

Градский может послать подальше кого угодно. Он Кончаловского послал. И тебя пошлет, увидишь, обязательно пошлет. Градский — чудовище. Его именем детей пугают. Но голос — да. Тут не отнимешь. И опыт, конечно. И авторитет огромный. И талант. Никуда его не засунешь. Приблизительно так напутствовали меня те, кто хоть что-то слышал о Градском. А кто о нем, спрашивается, не слышал? Александр Борисович встречается меня на пороге звонким, ядреным матом. Гулким эхом он гуляет по просторам его красивой квартиры. Это не мне. Это заканчиваются деловые переговоры. Онемевшие слушатели заворожено внимают. А я пока листаю рок-энциклопедию. Читаю: "А.Г. написал балет по мотивам "Маугли". Во! поняла, кого он напоминает, — он напоминает мудрого удава Каа, великого и ужасного. "Слу-ушайте, бандерлоги!"

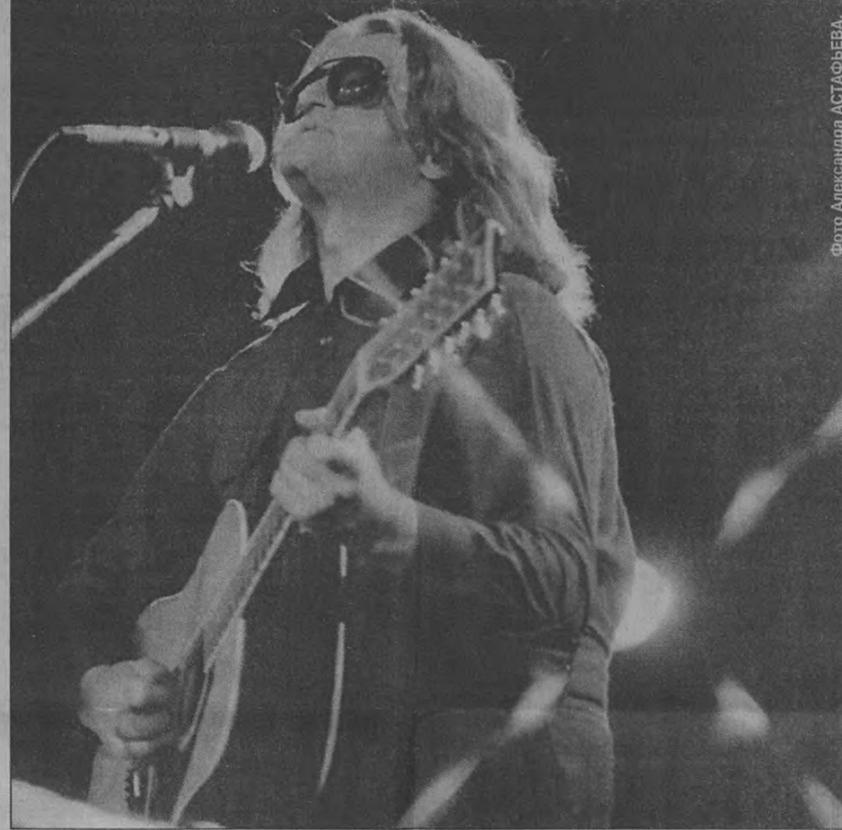
Входит дочь Маша. Берет с папиного стола книжку о князе Юсупове. Маша: "Это тот самый, который бисексуал?"
Папа: "Нет, дочка, его просто вые...ли в жопу, а он назвал это красивым словом "бисексуал". На самом деле — обычный пидарс".
Сосед слева (смущенно):
Рядом дети, а мы тут так ругаемся...
Папа: Маша, ну-ка научи дяденьку ругаться...
Я уже чувствую себя бандерлогом. Я почти в параличе. Я не знаю, с чего начать.
Батюшки! Вспомнила. Вот оно: "Каа, они называли тебя желтым земляным червяком!"

— Вам приписывают фразу: "В нашей стране никто не умеет петь, кроме меня и Кобзона".
— Я имел в виду исполнителей современной музыки. Хотя и классических певцов у нас сейчас почти нет. Я еще хлеще сказал: "Кроме меня здесь вообще никто петь не умеет. Разве что Кобзон".
— Как вы думаете, Кобзон мог бы сказать: "Здесь никто не умеет петь, кроме меня и Градского"?
— Нет, он такие вещи не говорит, насколько я знаю. Но тут вот какой момент — что значит "уметь петь"?
— И что же это значит?
— Уметь петь вообще — это значит владеть и голосом и мастерством. Следующий этап — это каков диапазон голоса и какого уровня мастерство, достаточно ли оно разнообразно. А уметь петь в моем понимании — это наличие целого комплекса профессиональных качеств, который есть у меня и есть у него. Больше его нет ни у одного эстрадного певца.
— Слышала я недавно, как Вячеслав Добрынин вспоминал молодость, первые концерты, на которые приходил юный Саша Градский и слушал открыв рот и чуть ли не со слезой в глазах. Было?
— С Добрыниным мы познакомились при очень смешных обстоятельствах. Во-первых, я был не юный — я уже лет шесть играл в разных группах. Сначала в польской группе "Тараканы". Они меня выгнали как солиста. Помню, как в актовом зале МГУ я пел без микрофона и какая-то девушка кричала мне: "Берегите голос! Не надо так надирать, товарищ!" Словом, я был младше по возрасту, но работал уже давно, а Слава только-только делал первые шаги.
В то время организовалась группа "Грифы", и в кафе "Синяя птица" я впервые увидел Добрынина. Тогда, в 68-м году, у него уже были, очевидно, какие-то деньги, он очень любил "Битлз" и очень хотел играть. А у группы "Грифы" не было денег. Слава купил гитару себе, купил, кажется, гитару одному из участников ансамбля, и его взяли в группу. Я совершенно не умалю его успеха как певца и автора веселых песен. Но если я в тот раз и улыбаюсь, то совсем по другому поводу. О котором промолчу. Я несколько раз в компаниях напоминал ему ту историю, и он краснел, но поспеивался.
— А вообще кого-то из наших вы слушали или слушаете "открыт рот"?
— Нет, конечно. Разве что от ужаса.
— А что-нибудь может вызвать слезы в ваших глазах?
— Есть стандартная ситуация, при которой слезы у меня на глазах появляются в течение уже очень многих лет. Тот момент в "Судьбе человека", где Бондарчук говорит мальчику: "Ты знаешь, кто я такой? Я твой отец". И когда мальчик кричит: "Папка, папка, я знал, что ты меня найдешь", — все, я не могу. Я даже сейчас вспоминаю этот эпизод, и мне не по себе, и у меня немножко дрожит голос. (Правда дрожит, — К.П.)
— Это связано с чем-то личным?
— Нет, просто эта сцена сделана так, что она каким-то образом попадает в меня всегда и при любых обстоятельствах.
— А вы следите за теми именами, которые появляются сейчас?
— Да. Мне достаточно десяти-пятнадцати секунд, чтобы включить телевизор или радио.
— Но есть все же некие общепризнанные авторитеты. Та же Агузарова...
— Кем признанная? Сейчас все поголовно разбираются в современной музыке, все вешают ярлыки — "великая рок-группа", "великая певица", — но когда данный субъект выезжает за границу нашего музыкального Зимбабве на какой-то детский конкурс и его там прикладывают мордой о стол, то наши СМИ не находят ничего более умного, как сказать: "Опять нас засудили". Хотя для меня как для профессионала совершенно ясно, что данная певица или певец вообще ничего не могут на сцене делать. То есть совсем ничего.
— У вас существуют какие-то отношения с Пугачевой?
— Ну, раньше у нас были отношения, и довольно-таки милые. Сейчас их нет. Мы почти не здороваемся. Но я хочу объяснить, я никогда не осуждаю конкретных имен. Я могу сказать — никто петь не умеет. Пусть кто-то решит, что я просто забыл его фамилию назвать. Хотя почти каждый и сам прекрасно знает, что петь он не умеет. И все равно раздувается, как воздушный шар, и летает до тех пор, пока завязочку не потеряет где-нибудь на границе Польши.
— Была в свое время такая группа "Сокол", она стояла у истоков. Но про них все забыли. Вы появились позже, но почему-то именно вас называют отцом русского рока...
— Я появился позже месяца на три. И я бы не

хотел, чтобы меня так называли. Это опять же клише. Но уж если называют, то потому, видимо, что я одним из первых сформировал концепцию русского рока как такового. Я решил не перепевать западные образцы, а написать в каждом из жанров рок-музыки что-то на русском языке. И написал "Размышления шута". Принципиально отличное моего рок-н-ролла от того, что потом стали делать Макаревич и "Високосное лето", в том, что я предпочитал хорошую поэзию. И если и писал свои стихи, то они обязательно должны были быть приличными.
— Стало быть, тексты Макаревича вам не нравятся?
— Макаревич писал именно тексты. Первые его опыты больше походили на детскую забаву. Потом он выкристаллизовал свой стиль, улучшил и музыку и стихи, затем вообще стал идиолом целого поколения. Но начиналось все это с провала. Помню заседание в Московском рок-клубе, когда туда принимали "Машину времени". Их обругали все музыканты. Был только один человек, который встал и сказал: "Они вам всем еще пистон в задницу вставят. Помогите мои слова". Догадываетесь, кто это был... (Интонация не оставляет сомнений, кто заступником был именно он. — К.П.)
— Уже догадалась. Но почему я спрашиваю вас про "Сокол" — вы остались, они нет. Вы уже тогда занимались сознательной раскруткой себя?
— Мы даже не знали этого слова. Я и по сей день рекламой не занимаюсь. Мы просто играли, и в зависимости от того, насколько хорошо мы это делали, у нас либо была аудитория, либо ее не было. Нам никто не помогал, СМИ нас не замечали. У нас была очень честная и чистая работа.
— Откуда такое неприятие рекламы? Вам она противна как таковая?
— Не стану юродствовать и врать: мол, я принципиально против. Как тут один изображает из себя восточного мудреца, а на самом деле прокалывается налево и направо. Конечно, реклама не помешала бы. Но вот конкретный пример. У меня недавно был концерт в зале Чайковского. О нем несколько раз объявляли "Интермедиа" и "Радио-1". Плакатов в городе Москве было два — один на левом углу зала Чайковского, другой на правом. Был продан весь зал, я был счастлив видеть столько людей. А если б я повесил растяжки по всему городу, все это был бы минус из моего гонорара. Больше народу зал все равно бы не вместил.
— Но можно было бы дать не один концерт, а пять.
— В свое время я давал по 4–5 концертов в день по два с половиной часа в трехоктавном диапазоне. Это очень тяжело физиологически. Ни один певец в мире не делает концертов с такой вокальной нагрузкой. Ни один в мире — беру на себя смелость это сказать. И у меня просто не стоит на такое количество концертов. Я готовился для одного вечера, я месяц не пью до концерта.
— Стало быть, правда то, что концертов вы даете мало, но очень задорого?
— Нет, я не стою дороже, чем любой средний говнок. И вот почему — у людей все равно нету денег. Когда кто-то говорит: дайте мне такую-то сумму, — он может просить, но ему просто ее никто не дает.
— Вы не замечаете противоречия в своих словах? Сначала вы говорите "реклама не помешала бы". А потом — что она вам не нужна в принципе.
— Она мне не нужна потому, что не выгодно деньги на это тратить. Нет смысла создавать вокруг своего имени мыльный пузырь, если люди и так приходят. Тут нет никакого снобизма. Я буду скоро делать концерт в Карнеги-холл, вот там я буду вкладывать деньги в рекламу, потому что иначе я не соберу этот зал. И никто не соберет.
К тому же еще и какая-то часть легенды соблюдается — что Градскому по фигу. Меня это устраивает. Но если ко мне когда-нибудь в зал придут всего два человека, я спою сольный концерт. А потом просто перестану работать. Я могу зарабатывать другими способами.
— Вы в свое время пели в Большом театре в опере Римского-Корсакова "Золотой петушок". И пели, если не ошибаюсь, недели две.
— Два раза, если точнее. Репетировал почти пять месяцев.
— А потом вы умудрились рассориться со всей труппой...
— Нет, это глупости. Эту оперу ставил бесконечно мною любимый Евгений Федорович Светланов. А Большой театр, должен сказать, это довольно специфичное заведение. Там очень не любят пришельцев со стороны. Тем более в партии Звездочета. В спектакле "Золотой петушок" из шести главных партий четыре или пять исполняли людьми приглашенными. Труднейшую и в общем-то невыигрышную для вокалиста оперу вставлять себе в репертуар за те же деньги никто из солистов Большого театра не захотел. Там пахать надо было. Светланов сделал прекрасный спектакль, минут 25 нам аллодировала публика. Это все зафиксировано, у меня есть пленка. Если б не Лена Ярмольник, который обаял билетерш и снял меня лобительской камерой, этого бы не осталось.
— Так что же случилось потом?
— Спектакль сразу пригласили на гастроли в Японию. И тут уже солисты Большого театра сказали: "Как это так?! Театр едет в Японию? Мы должны петь в первом составе". И стали потихонечку вытеснять нас. Начались интриги против Евгения Федоровича, и я сказал ему: "Давайте я не буду усложнять вам жизнь. Я не буду больше петь. Я считаю, что спортивный подвиг мы с вами сделали, а участвовать в склоке не хочу".
— Ну вот! А это приписывалось вашему скверному характеру.
— Знаете, все, что бы я ни делал, приписывается моему скверному характеру. Меня это устраивает: чем больше приставали уверенны, что у меня скверный характер, тем меньше они ко мне будут приставать.
— Теперь история с "Романсом о влюбленных". Случай особый — никому не известный студент приглашается писать музыку к фильму. Помоему, тогда ваш скверный характер сослужил вам неплохую службу.
— Там тоже было все не так однозначно. Андрон держал меня за юное дарование. А у меня уже был достаточный гонор. Ситуация такая: известный композитор, который должен был писать музыку к фильму, по каким-то причинам отказался. Мой друг Аркадий Петров посоветовал Андрону меня. Они ворвались в студию, когда я записывал одну из своих вещей, довольно сложную. Я сказал, чтобы они немедленно шли отсюда, пока стулом не получили. Влезать в студию, когда идет запись, — это верх наглости. Они испуганно стали наблюдать за мной из аппаратурной. Я пою, резко реагирую на свои ошибки, матерюсь. И, насколько я понял со слов Петрова, Андрон смотрел на меня и кричал: "Как он поет! Какой он эмоциональный! Нет, я должен его снимать в главной роли. Какие у него выразительные голубые глаза!". (Он заливается хохотом, и мне кажется, что ругаются стены. — К.П.) Вообще-то у меня зеленые. Потом я повернулся в профиль, и Андрон сказал: "Эх, этот длинный нос мне не утвердил. Пусть просто песни пишешь". Так мы познакомились, и надо сказать, что Кончаловский здорово умеет заводить людей. Я сел и стал придумывать песни. Со мной подписали договор на 600 рублей. А я учился на третьем курсе Гнесинки и за вечер на танцах 20 рублей зарабатывал. И 85 получал в месяц, работая грузчиком. А тут мне дают 600. Я в страшном кайфе звоню всем подряд, наливаю пиво, и вечером ко мне приходит мой приятель Саша Костин, который работал на "Мосфильме". Мы садимся, у нас две бутылки коньяку, и он говорит: "Саня, тебя хотят наколоть. Ты, Саня, написал песни, сейчас их какому-нибудь козу отдадут, он их крадет, это и будет музыка к фильму. И этот чувак получит 4000 или 5000 рублей. А ты будешь автором песен и получишь 600". Я говорю: "Чегой-то?". Выгляваю еще стакан, звоню Андрону и говорю: "Так и так, это правда?". Он отвечает: "Ну, понимаешь, ты не член Союза композиторов, тебя не утвердят". Я говорю: "Или я буду автором музыки к фильму и получу четыре штуки, или я забираю свои песни, и пошел ты со своим фильмом". И положил трубку. Охреневший Андрон трое суток бежал по каким-то директорам, бил кулаком по столу, орал: "Я ничего не знаю, он придурок, но мне его вещи нужны". Через три дня со мной подписали правильный договор. В 23 года это стал самым молодым композитором, который написал музыку к фильму.
— Теперь — история вашего шумевшего союза с Анастасией Вертинской. Это был официальный брак?
— Да, официальный, но я о нем ничего не буду говорить. У меня сейчас не просто другая семья, у меня просто сейчас семья. А то, что было тогда, семей я не считаю. Хотя это довольно красивая история, благо, и мужчина, и женщина — люди довольно известные. Насколько я знаю, Насте не нравится вспоминать об этом периоде, и теперь и мне не нравится.
— Не влезая в ваши отношения, хочу спросить только о вас — чем рок-н-ролльный голодранец...

и спел свою партию. Никакого соревнования не было. Андрей любит, когда я пою его вещи, и прекрасно знает, что он не певец.
Входит дочь. "Слышь, Маша, за что ты меня можно женщине любить?" — "За доброту". — "Что-о-о-о-о?"
— Вы часто говорили, что в музыке вас многие повторяли — тот же Макаревич. Сейчас вас тоже кто-то повторяет?
— Они все запаздывали на 8–10 лет, но все равно не делали того, что делаю я. Они просто иногда брали за основу мою стилистику. То, что "Браво" делало в 86-м, я делал в начале 80-го года. То, что делал Гребенщиков в 75-м, я играл в 69–70-м. Сейчас ситуация смешней. Я настолько уровень свой повысил, что меня невозможно повторить даже технически. Поэтому меня оставили в покое, и никто не пытается соревноваться со мной в том, что я придумал. Каждый уже нагреб свою ниву и стрижет ее.
— Для среднего человека тот уровень, о котором вы говорите, непонятен. Ему кажется, что вы не меняетесь. Хотя даже такой зубр, как Кобзон, и тот сделал реверанс нынешней моде — ремиксы и т.п.
— Значит, я больший зубр. Я не делаю реверансов. Я сам создаю моду. А музыканты делают и делают потихоньку. Что до ремиксов Кобзона — из этого больше делается помпы, я эту пластинку не считаю интересной. Он просто приколотся, и все. Он в другом супер.
— Допускаю, но, как сказал мне один монстр шоу-бизнеса, слушая ваши переливы, — великолепный голос, но вот только никому не нужен. У вас есть комплекс недооцененности?
— Неоцененности. Да, есть. А насчет того, что никому не нужен, — никому из них не нужен. Это правда. И поэтому иногда червячок самолюбия все-таки дает о себе знать. Думаю, что если я и не великий музыкант и не великий певец, то только потому, что мне слабо быть выше всего этого. В книжках пишут, что истинно великому человеку наплевать, что о нем думают, — он общается напрямую с Богом. И ужасно то, что я действительно общаюсь напрямую с Богом. Тут два варианта — либо все это вранье про

Александр ГРАДСКИЙ: "Я стою не дороже чем любой средний говнюк" ВЕЛИКИИ И УЖАСНЫИ

весьма затруднительно.
— Вы когда-нибудь боролись с излишним весом?
— Я все время с этим борюсь. Постоянно на диету сажусь. Катя, посмотри на меня — мне сорок девять лет уже скоро. А выгляжу? А если еще похудею, то вообще будут давать 38... Если возьму...
— Как сказало нынешний кризис на строительстве вашей дачи с сумасшедшим бюджетом?
— Раньше у меня дачи вообще не было. А то, что есть сейчас, я называю "на Градских развалинах". Я начал шесть лет назад строить дом за городом. И решил его сделать по высшему классу. Вследствие этого, думаю, дом я дострою лет через семь-восемь.
— По высшему классу — это сколько?
— Дело не в деньгах. Он стоит немалогом дороже, чем любой дом среднего нового русского. Просто я решил его делать так, как я это понимаю. Ремонт в этой квартире я тоже делал сам, придумал все — от лепнины до того, как расположены двери. Так же я строю дом. Когда у меня деньги есть, рабочие приходят. Деньги кончаются — рабочие уходят. Все вокруг давно построилось, живут, делают шашлычки, а я все в цемента по уши. Но соседи уже водят туда экскурсию — смотри, мол, Градский сошел с ума.
— Что ж там такое? Золотые унитазы?
— Не-ет, этого там нет. Просто очень красивый дом. Самое интересное, что еще лет 20 назад я нарицал свое своей жене. И сказал — смотри, у нас будет такой дом. Там даже Оллен всего четыре — для нас с Олей, для родителей Оли, для сына и для дочери. Правда, она большого размера. Очень не люблю замкнутых пространств.
— Я вспоминаю концерт в честь 25-летия "Машины времени". На сцене друзья, все поют, в центре Макаревич, на подиуме где-то побку приплясывает все г-н Градский и моментально переключается все оборудование. Слышен только один голос — ваш.
— Это потому, что я один и пою. Все остальные...
— Скажите мне, зачем это было нужно? И так ясно, что у Макаревича голос слабее. Все ж таки это был его праздник...
— Так ему, наоборот, нравится. И потом — что я мог сделать?
— А потише нельзя было?
— А я не умею петь иначе, чем я умею. Поют — это так. Все остальное — это не поют. И потом, в этом концерте у меня ведь было выступление. Никого не вырезали, только меня. Я знал, что это будет, вот

великих. И в глубине их тоже точит этот червь. Либо я недостаточно большой талант, чтобы жить и думать так, как они.
Я борюсь с этим комплексом, как с весом. Как с плохими чертами в моем характере. И вообще пытаюсь говорить себе, что это неважно.
— Если он существует, значит, не очень получается. Вам предлагали запечатлеться на Площади Звезд. Вы отказались. Почему?
— На этой Площади много достойнейших имен — находиться рядом с ними очень почетно. Но на этой же Площади еще больше имен, оказавшихся рядом с которыми мне невозможно.
— Вы не боитесь остаться непризнанным гением?
— Да. Мне безразлично, будут меня помнить или нет. Отсюда чувство ответственности за то, что я делаю. Я абсолютно уверен, что если я не останусь в памяти людей как что-то большое и незаменяемое, то по крайней мере останусь как человек, который мог петь в трехоктавном диапазоне. И у которого были такие элементы вокального мастерства, что никто их не сможет так повторить. Это зафиксировано на пленках.
— Это как запись в Книге рекордов Гиннеса.
— Да, ты плюнул на немалодат метров дальше всех. И в музыке это мало. Никто не слышал, как играет Паганини. Но любому музыканту понятно: для того чтобы сыграть в этом темпе, надо быть великим мастером. Тем более что сейчас можно записать исполнителя качественно, и через 50 лет не будет проблем услышать, как Градский поет вернее "ми".
— Вам кажется, что потомки заинтересуются этим "ми"?
— А они всегда этим интересуются. Будут интересоваться.
— А такое понятие, как "человек-легенда", для вас существует?
— Я не понимаю, что это такое, честно скажу. Вообще не понимаю.
Он прикрывает веки. Улыбается хищно-сладо. Точно Каа, который сыт по горло.
Про себя я развиваю тему. Сказка Киплинга в рамках родимого шоу-бизнеса. Легко угадывается Багира. Шер-Хан тоже налицо. Есть волчья стая во главе с Аkeley, который промахнулся. И веселое обезьянье племя бандерлогов.
Непонятно только: кому в этой истории досталась роль Маугли?
Катя ПРЯНИК.

Фото Руслана РОШТИКИНА

Фото Александра АСТАФЬЕВА